

ГИЛЕМОРФИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ*

К. В. КАРПОВ

Господствовавший в XX столетии в аналитической метафизике сциентистский редукционизм, поставивший метафизику в тематическую и методологическую зависимость от естественных наук, сменяется в последнее время новыми течениями, отстаивающими автономность метафизического знания, сохраняя при этом такую важную отличительную черту аналитической философии, как естественнонаучная ориентация. Гилеморфизм — одно из таких течений неаристотелевского типа. Современный гилеморфизм неоднороден, имеет множество ответвлений, которые объединяются представлением о том, что все материальные объекты состоят из двух начал: материи и формы. Последняя часто понимается как форма в собственном смысле слова, как структура, как конституция, как сила. Рассматривается основная трудность, с которой сталкиваются все гилеморфистские онтологии: если материя и форма — самостоятельные начала, то что объединяет их в единый композит? Особое внимание уделяется приложению гилеморфистских онтологий к решению таких актуальных философских и теологических проблем, как проблема материальной конституции, психофизический дуализм, отношения лиц внутри Троицы. Анализу последней отводится особое место. Показываются как достоинства предложенных гилеморфистских решений, так и связанные с ними основные недостатки. Основное достоинство заключается в удивительной гибкости гилеморфистской онтологии, позволяющей легко вводить новые уточняющие принципы, приспособляющие ее к той или иной проблеме. Недостатки же гилеморфистских решений являются прямым продолжением главного достоинства и лежат в области слабой проработки вводимых новых принципов между собой.

В настоящей статье мы намереваемся осветить основные трудности и точки применения гилеморфизма — недавно ставшего весьма популярным в современной аналитической метафизике и философии религии неаристотелевского направления. В первой части приводится краткая историческая справка и основные трудности, с которыми сталкиваются современные сторонники гилеморфизма, а во второй — описываются и разбираются наиболее интересные решения философских и теологических проблем, данные современными гилеморфистами.

* Работа выполнена в рамках реализации проекта «Метафизика в интеркультурном пространстве: история и современность», поддержанного РГНФ, № 15-03-00211.

I

В последние пару десятилетий в аналитической метафизике приобретает все большую популярность новое движение, приверженцы которого практикуют метафизику аристотелевского типа: они видят задачу метафизики не в том, чтобы следовать за естественнонаучным знанием и расплести запутанные понятийные клубки, а, напротив, в том, чтобы изучать сущее и наиболее фундаментальные структуры реальности на наиболее абстрактном и общем уровне, строить современные, но вдохновленные идеями Аристотеля онтологии. Они противостоят распространенным в XX столетии дефляционным пониманиям метафизики, одной из которых является куайновская концепция. Куайн полагал, что метафизика в своих целях и методах должна полностью следовать за естественными науками, и, следовательно, метафизик при ответах на вопросы о структуре реальности должен полагаться прежде всего на открытия и достижения естественных наук, прежде всего физики¹. Представители же нового направления, которых условно можно назвать «неоперипатетиками» или «неоаристотелеками», считают метафизику не «служанкой физики», а самостоятельной дисциплиной, использующей философские методы анализа таких, например, категорий, как бытие, сущность, субстанция, акт, потенция. Возникновение этого течения связано, как кажется, с провалом куайновского подхода: в литературе в последнее время активно обсуждается вопрос о связи естественнонаучного знания и метафизики, и ученые все больше убеждаются в том, что метафизики не могут принимать во внимание все последние достижения естественных наук, а в тех случаях, когда это все-таки удается сделать, то оказывается, что метафизики не совсем верно и корректно интерпретируют последние достижения физики². Понятно, что констатация этого факта сильно беспокоит приверженцев метафизики «куайновского» типа. Метафизиков же «неоаристотелевского» направления беспокоит другое: сама предпосылка, лежащая в основе такой оценки метафизики, ведь согласно ей метафизика вторична по отношению к естественнонаучному знанию, а потому она должна приобрести черты естественных наук, перенять ее методы и предмет исследования. Как представляется, именно кризис метафизики «куайновского» типа подтолкнул некоторых исследователей пересмотреть свое отношение к традиционной метафизике, обратиться к аристотелевской методологии и начать разрабатывать темы, свойственные ей.

Одной из таких тем является гилеморфизм. Современный гилеморфизм, развиваемый некоторыми аналитическими философами, характеризуется в целом двумя пропозициями:

- (1) материальные объекты имеют составные части, а именно материю и форму;
- (2) материальные объекты не могут быть составными частями других материальных объектов.

¹ *Quine W. O. World and Object. Cambridge(Mass.), 1960. P. 221; Idem. Theories and Things. Cambridge (Mass.), 1981. P. 21.*

² Эта тема стала самой главной в одном из последних методологических сборников по аналитической метафизике (*Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized / J. Ladyman, D. Ross, eds. N. Y., 2007*).

Второй принцип означает, что часть большого композита может рассматриваться как отдельная субстанция, отдельный композит, но когда он соединен с другими частями в большом композите, уже нельзя считать его чем-то самостоятельным — он часть общей материи и формы. Например, печень является самостоятельной субстанцией, но как часть большого композита (живого организма) она считается принадлежащей его материи и форме³.

В целом, однако, можно смело утверждать, что термин *гилеморфизм* применяется не к одной единой философской теории: он скорее носит описательный характер, обозначая ряд теорий, общим для которых являются приведенные утверждения⁴. Более того, нет единой интерпретации первого утверждения — базового для любой версии гилеморфизма. Как станет ясно ниже, если с определением *материи* особых проблем не возникает: это потенциальное начало, предсуществующее композиту и претерпевающее соответствующие изменения при соединении с той или иной формой (материя — то, что изменяется, и то, что отвечает за преемственность восприятия материальной вещи в результате череды изменений⁵), то общим представлением о форме является то, что она описывает некое актуальное состояние конкретной материи, после того как с последней произошли те или иные изменения. Для выражения этого состояния современные сторонники гилеморфизма используют такие разные понятия, как собственно *форма*, *структура*, ответственная за то, что данный объект обладает свойствами, присущими ему как представителю определенного класса, и даже *сила*, представляющая собой некоторые качества, проявляемые материей. Из этих двух общих принципов следует, что (3) любой объект, подверженный изменению, состоит из материи и формы, (4) *материя* и *форма* определяются, прежде всего, функционально, то есть какое бы конкретное понимание этих терминов ни предлагалось, один из них все равно отсылает к изначальному субстрату, подверженному изменению, а другой — к набору свойств, которые проявляет этот субстрат после изменения, и отношений, в которые он может вступать⁶. Из последнего принципа следует, что (5) материя, претерпевающая изменение, не может быть совершенно противна той форме, которую она принимает, или, говоря иначе, не должна иметь функцию, противоположную той, которую несет в себе воспринимаемая ею форма⁷. Изменения, происходящие с материей, бы-

³ Подробнее анализ этого принципа см.: Toner P. Emergent Substance // Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition. 2008. Vol. 141, No. 3. P. 281–297; Idem. St. Thomas Aquinas on Gappy Existence // Analytic Philosophy. 2015. Vol. 56, No. 1. P. 94–110.

⁴ В нижеследующем изложении основных положений современного гилеморфизма я буду придерживаться его томистской версии.

⁵ Скажем, если из куска бронзы был сначала отлит бюст Перикла, а потом он был переплавлен в бюст Сократа, то, как считают гилеморфисты, именно благодаря материи можно считать, что изначальный кусок бронзы, бюсты Перикла и Сократа, последовательно отлитые из него, материально тождественны друг другу, а отличны только своей формой.

⁶ Подробный анализ функциональных определений *материи* и *формы* см.: Brower J. Aquinas's Ontology of the material World: Change, Hylomorphism, and Material Objects. Oxford; N. Y., 2014. P. 66–69.

⁷ То есть если форма привносит функцию F, то материя сама по себе не может обладать функцией ~F: так, например, воде нельзя придать такой формы, чтобы из нее можно было бы

вают двух видов: акцидентальные (как в примере с куском бронзы и отлитыми из нее статуями) и субстанциальные (когда имеющаяся материя перестает существовать или переходит в совершенно иное состояние: например после смерти живого существа). Когда композит претерпевает субстанциальное изменение, то материя все же не перестает существовать: она теперь существует в совершенно ином виде, например в виде необъединенных в одно целое молекул. Поэтому гилеморфисты постулируют (6) существование первоматерии, сущностно никак не определенной, способной претерпевать любые изменения.

Теория гилеморфизма восходит к Античности. Так, Платон выделил два вида объектов: целые сами по себе и целые, состоящие из частей — мереологические целые (*Plato. Theatetus* 201d–202c). Мереологическое целое идентично частям, из которых оно состоит, то есть материи и форме в случае гилеморфизма. Современные сторонники гилеморфизма считают, что первым мереологический гилеморфизм сформулировал и разработал Аристотель⁸. Стагирит использовал понятия *материи* и *формы* во многих случаях. Так, для различия подлунного мира и неба он утверждал, что небесные объекты состоят из формы и не имеют материи (*Aristoteles. De Caelo* I. 2.269b 18). Рассуждая о живых организмах, он полагал в качестве формы их душу, а в качестве материи тело (*Idem. De Anima* II. 1. 412a 19–28; *De Partibus Animalium* I, 5.645b 15–28). Говоря о восприятии, Аристотель считал, что формы материальных объектов достигают органов чувств и воспринимаются ими (*Idem. De Anima* II.12.424a 17). Мышление же он определяет как достижение формой интеллекта, для чего не требуется специального органа, а следовательно, материи (*Idem. De Anima* III. 4–5.429a 10–430a 25; *De Generatione Animalium* II.3.736b 22). О чувственно воспринимаемом мире в целом Стагирит утверждал, что если изменения в объективном мире действительно воспринимаются нами, а нам не просто кажется, что объекты изменяются, то материя и форма должны существовать (*Idem. Physica* I et II). Таким образом, для Аристотеля материя и форма были основными метафизическими и объяснительными принципами⁹.

Современные сторонники гилеморфизма в качестве синонимов аристотелевской формы употребляют понятия структуры, организации, расположения, порядка, конфигурации, силы и считают, что все они выражают онтологическое начало и являются объяснительным принципом. Так, например, они считают, что все существующие индивидуальные объекты (для простоты примера ограничимся, скажем, живыми организмами) состоят из упорядоченной (структуриро-

построить дом, так как вода сама по себе обладает свойством текучести и равномерного заполнения пространства на горизонтальной поверхности под действием атмосферного давления, тогда как для дома необходимы противоположные свойства, которыми обладает, скажем, кирпич.

⁸ Вопрос, считать ли аристотелевский гилеморфизм мереологическим, дискутируется и среди антиковедов, многие из которых не согласны с такой интерпретацией Аристотеля. См., например: *Marmodoro A. Aristotle's hylomorphism without reconditioning // Philosophical Inquiry*. 2013. Vol. 36, No. 1–2. P. 5–6.

⁹ Подробный анализ употребления Аристотелем этих понятий, а также о становлении термина *гилеморфизм* см.: *Manning G. The History of «Hylomorphism» // Journal of the History of Ideas*. 2013. Vol. 74, No. 2. P. 173–187.

ванной, организованной и т. д.) материи. Конкретный индивид, Сократ, является не просто набором фундаментальных физических частиц, а таким набором, который упорядочен определенным образом, так что Сократ является человеком. Именно вследствие обладания этой структурой Сократ является человеком, а не каким-то иным существом или предметом (собакой, птицей, камнем, деревом). Понятно, что развитие Сократа как человека (различные метаболизмы, его ментальные, чувственные и репродуктивные способности) также зависит от структуры, благодаря которой он является человеком.

Эту основную идею гилеморфизма Уильям Джаворски иллюстрирует при помощи следующего примера¹⁰. Представим, что в какую-то сумку, из которой ничего не может вытечь, был помещен человек. Сумка попала под пресс, но она была достаточно прочной, так что, несмотря на оказанное воздействие, она сама не претерпела существенной деформации, из нее ничего не пропало, а вот ее содержимое было полностью раздавлено. До того как попасть под пресс, содержимое сумки, то есть человек, могло по крайней мере что-то думать и ощущать, а вот после — нет. Как утверждает Джаворски, физически содержание сумки осталось одним и тем же: содержащееся в сумке количество частиц до эксперимента и после одинаково, а вот качество этих частиц, вернее их организация, изменилось. Следовательно, настаивают они, структура, организация этой материи или форма, которой эта материя обладала, отвечает за то, что до эксперимента материя в сумке обладала некоторыми качествами, утраченными после эксперимента. Таким образом, структура (организация или форма) ответственна за те качества, которыми обладает материя¹¹.

Главная проблема для современных сторонников гилеморфизма заключается, по-видимому, в том, что они не столько интерпретируют мысль Аристотеля, приспособивая ее для решения современных проблем, а скорее творчески разрабатывают теории, в основе которых лежит понятие формы. Так, многие гилеморфисты считают, что Аристотелем был предложен мереологический гилеморфизм, якобы материя и форма понимались им как части единой субстанции, соответственно главной трудностью для них стал вопрос, как эти части становятся единными в субстанции. Наибольшую популярность приобрели три решения этого затруднения.

Кэтрин Кослицки считает, что единство субстанции приобретает от единства ее частей, а выполняющий объединяющую роль элемент должен быть элементарным мереологическим атомом субстанции, который далее не поддается делению на какие бы то ни было части. Поскольку же, с ее точки зрения, Аристотель считал, что единство субстанции обеспечивается субстанциальной формой, постольку именно она и является тем самым элементарным, далее неделимым мереологическим атомом:

В этом смысле единство высокоорганизованного целого или составленного из материи и формы приобретает от формы: эти объекты наследуют свое

¹⁰ *Jaworski W.* Hylomorphism and Resurrection // *European Journal for Philosophy of Religion*. 2012. Vol. 5, No. 1. P. 197–198.

¹¹ Стоит, однако, отметить, что ряды гилеморфистов отнюдь не едины: вопрос о реальности этих структур — один из самых дискутируемых среди них.

положение единых в высокой степени объектов от своих форм, которые действуют как основания их единства¹².

Эдвард Джонатан Лоу предположил, что для единства гилеморфического композита не требуется никакого дополнительного принципа, так как он может быть обеспечен взаимным дополнением частей:

Согласно аристотелевскому гилеморфистскому представлению, индивидуальная субстанция представляет собой «комбинацию» материи и формы... Ключевой момент, согласно этому представлению, заключается в том, что индивидуальные субстанции проявляют «внутреннюю» онтологическую сложность, будучи комбинациями «недостаточных» сущностей, которые посредством друг друга приобретают завершенность в субстанции¹³.

Лоу, справедливо замечая, что *недостаточность* частей — понятие весьма неясное предлагает его уточнение и вводит принцип комплементарности: две *недостаточные* части делают завершенной некую субстанцию. Целостность и единство этой субстанции и позволяет нам говорить о недостаточности составляющих ее частей, которые становятся завершенными, будучи соединены вместе¹⁴.

Майкл Рей предложил решение проблемы в терминах *силы*, сводя к ним свойства объектов и даже порой сами объекты¹⁵. Теория гилеморфизма тогда приобретает у него следующий вид:

(Т1) Природы — силы; природы *субстанций* — фундаментальные силы.

(Т2) Природы составных объектов объединяют другие силы (в частности силы, которые являются природами своих частей).

(Т3) Природы вместе с индивидуаторами могут составлять целостные образования и играть роль формы¹⁶.

Именно (Т2) будет выражать то самое свойство единства гилеморфического композита, о котором был поставлен вопрос:

Тезис (Т2) призван выразить и отдать должное той части традиционного гилеморфизма, который утверждает, что природы являются основаниями единства. Отношение объединения должно пониматься примерно так: одна сила Р объединяет другие силы в том случае, когда Р связана с другими силами таким образом, что ее проявление зависит от совместного проявления объединенных сил, и, более того, последнее не дает какой-либо иной силы объекту, обладающему Р, которая была бы и внутренне присуща этому объекту и независимой от Р¹⁷.

¹² Koslicki K. The Structure of Objects. Oxford, 2008. P. 159.

¹³ Lowe E. J. A neo-Aristotelian substance ontology: neither relational nor constituent // Contemporary Aristotelian Metaphysics / T. Tahko, ed. Cambridge, 2011. P. 231.

¹⁴ Ibid. P. 235–237.

¹⁵ Rea M. Hylomorphism reconditioned // Philosophical Perspectives. 2011. Vol. 25. No. 1. P. 345.

¹⁶ Ibid. P. 345.

¹⁷ Ibid. P. 348–349.

Анна Мармодоро в статье «Непереформулированный гилеморфизм», опираясь на тексты Аристотеля, показала, что современные гилеморфисты в корне неверно интерпретируют мысль Стагирита. Во-первых, она утверждает, что Аристотель не придерживался приписываемого ему мереологического гилеморфизма. Во-вторых, она настаивает на том, что форму нельзя понимать как структуру, так как она не состоит из частей или не является некой комбинацией частей. Сущность же самой формы, согласно Мармодоро, заключается в ее единстве, зависящем от теряющей всякую идентичность материи, когда она соединяется с формой. Напротив же, в теории структуры форма и материя выступают как равноправные начала, которые организуются определенным образом.

Однако в целом стоит заметить, что современные сторонники гилеморфизма изменяют учение Аристотеля для того, чтобы их теории выглядели современными, научнообразными, а главное, чтобы в них был потенциал решать актуальные задачи. А поэтому довольно частые и настойчивые обвинения в их адрес, что они неверно или некорректно интерпретируют Аристотеля, на наш взгляд, не имеют особого смысла.

Другая важная проблема, с которой сталкиваются все сторонники гилеморфизма, состоит в том, реальны ли структуры (формы, силы). Обычно реальность структур аргументируют так: (1) понятие структуры присуще всем естественным наукам (или большинству из них), (2) если нечто присуще имеющему силу объяснению мира, то это нечто следует понимать как существующее, (3) следовательно, структуры существуют. Однако очевидно, что для утверждения реальности структур необходимо, чтобы наблюдаемую структуру реальности невозможно было бы объяснить без использования понятия *структуры*, то есть, хотя наше представление о структурированности реальности берется из опыта, может быть и так, что структуры могут и не быть важной составляющей мироустройства. В конечном счете эта дискуссия возвращается к исходному вопросу о производности метафизики от физики: если физик сможет объяснить все преобразования материи, то все другие науки (как естественные, так и философские) будут иметь только эвристическое значение.

II

Выбор трех рассматриваемых во второй части проблем (материальной конституции, психофизического дуализма и Троицы) основывается на следующем. Проблема материальной конституции — это собственно тот комплекс философских вопросов, в рамках которых возник гилеморфизм и на решение которых он был нацелен, то есть это исконная территория этой теории или, другими словами, ее базовая проблематика. Поэтому не упомянуть о том, какие решения проблемы материальной конституции предлагаются сторонниками современного гилеморфизма, никак нельзя. Проблема психофизического дуализма была выбрана нами по той причине, что многие философы ждут от рассматриваемой в статье теории своего рода прорыва в этой области исследований¹⁸. В этой

¹⁸ По этой теме см., например: Gasser G. Is Hylomorphism a Neglected Option in Philosophy of Mind? // Soul. A comparative Approach / Ch. Kanzian, M. Legenhausen, eds. Frankfurt, 2010. P. 43–61.

части будет показано, какие вопросы в рамках этой проблематики могут быть по-новому осмыслены при помощи гилеморфизма. Третья выбранная проблема — единства лиц Троицы — касается теологии и была предпочтена проблемам Воскресения и Воплощения, в силу того что последние родственны проблеме психофизического дуализма, тогда как проблема единства божественных лиц в Троице скорее отсылает к проблеме материальной конституции. Поскольку последняя является изначальной областью применения гилеморфизма в философии, постольку проблему Троицы можно рассматривать для гилеморфизма как исконную теологическую проблематику.

Материальная конституция

Суть проблемы материальной конституции состоит в вопросе — тождественны или различны во времени материальные объекты: тождественны ли кусок бронзы и отлитая из него статуя? Эта проблема возникает тогда, когда речь идет о двух (или более) сущностно отличных друг от друга объектах, состоящих из одних и тех же частей.

Рассмотрим решение этой проблемы, предложенное М. Рейем, не только в силу его дискутируемости, но и в силу приложения им этого решения к другим проблемам. Итак, для решения проблемы материальной конституции Рей вводит понятие *акцидентального единства*. Акцидентальное единство имеет место быть тогда, когда последовательно во времени существуют два объекта, состоящие из абсолютно одних и тех же частей и имеющие противоположные состояния — например, кусок бронзы и отлитая из него статуя или сидящий и ходящий человек. Так, если из куска бронзы отлита статуя, то форма, ответственная именно за эту статую, является по отношению к материи (бронзе) акцидентальной, так как статуя могла бы быть иной, а могло бы ее и вообще не быть, и тогда кусок бронзы так бы и остался куском. Ясно, что быть куском также акцидентально для этой бронзы, поскольку он вполне может быть, например, той или иной статуей. Или человеку свойственно как ходить, так и сидеть. Но эти свойства также являются для него акцидентальными, сущности человека никак не присуще ходить или сидеть таким образом, что если бы человек этого не делал, он бы перестал быть человеком.

Рей так определяет акцидентальное единство. Во-первых, это отношение имеет место для композитного (составного) объекта, образованного акцидентальной формой и субстанцией (сидящий человек, скажем Сократ, и просто Сократ). Во-вторых, акцидентальное единство отлично от отношения тождества, ведь тождество касается и свойств объектов, а акцидентальное единство, напротив, допускает различие свойств (сидеть и ходить). В-третьих, поскольку субстанция объектов, характеризующихся акцидентальным единством, одна и та же, а сами объекты существуют одновременно, постольку эти объекты нумерически тождественны, но отличны по своему бытию (один и тот же человек может либо ходить, либо сидеть, но не ходить и сидеть в одно и то же время, хотя это все делает один человек). В-четвертых, акцидентальное единство предполагает абсолютную тождественность в отличие от со-расположенности, предполагающей отличие некоторых частей в объектах, вступающих в это от-

ношение¹⁹. Введя это отношение, Рей так решает проблему материальной конституции:

Всякий раз там и тогда, где и когда мы имеем объект *a* и объект *b*, состоящие полностью из одних и тех же частей, но которые при этом находятся к своим частям в сущностно различном отношении, соответствующие объекты *a* и *b* являются одним по числу, но не тождественным объектом²⁰.

Это же гилеморфическое отношение Рей применяет и для решения проблемы отношения лиц внутри Троицы, о чем будет сказано ниже. Однако действительно ли кусок меди и отлитая из него статуя находятся в отношении акцидентального единства? Кажется, против этого можно выдвинуть следующее возражение: допустим, что для бронзы как некоей материи быть в форме куска и быть в форме статуи является акцидентальным свойством, но тогда в чем заключается та субстанция, которая принимает эти акцидентальные для себя формы, ведь бронза как материя не может быть субстанцией?

Психофизический дуализм

Гилеморфизм весьма широко применяется для решения проблемы природы сознания, понимания таких психических процессов, как мышление, ощущение, восприятие. Что и неудивительно, ведь некоторые версии гилеморфизма являются дуалистическими теориями²¹.

Дуалистические гилеморфистские теории позволяют разграничить живые и разумные объекты от просто живых и неживых. Если гилеморфистские структуры существуют, то существуют и составные физические объекты (снова ограничимся для простоты только живыми существами), структуры которых наделяют их свойствами, которыми не обладает материя, лишенная этих структур. Если, далее, допустить, что эти свойства суть мышление, ощущение и восприятие, то структуры позволяют нам понять, как подобные свойства могут быть локализованы в пространстве и времени. Более того, если структуры существуют, то ментальные феномены должны быть признаны частью физического мира. В этом смысле гилеморфизму противоположны, с одной стороны, панпсихизм и натурализм, сторонники которых приписывают указанные свойства физической материи или комбинациям разных видов материи, а с другой — эмерджентизм и эпифеноменология, сторонники которых убеждены, что указанные свойства являются необъяснимыми фактами.

Гилеморфисты признают существование различных структур: одни нужны для того, чтобы объяснить существование индивида, другие — чтобы объяснить, как индивидуумы могут действовать. Последний вид структур — ключевое понятие для гилеморфистского решения проблемы сознания. Существова-

¹⁹ Rae M. Sameness without identity: an Aristotelian Solution to the problem of material constitution // Ratio. 1998. Vol. 11. No. 3. P. 318–323.

²⁰ Ibid. P. 322.

²¹ Одна из таких теорий разрабатывается Уильямом Джаворски. Недавно им была опубликована монография, в которой он предлагает гилеморфистское решение психофизического дуализма. В своем изложении мы опираемся на его анализ. Jaworski W. Structure and the Metaphysics of Mind: How Hylomorphism Solves the Mind-Body Problem. N. Y., 2016.

ние структур, отвечающих за действия, основывается на том наблюдении, что деятельность индивидуумов включает в себя различные присущие им свойства, проявление которых объективно скоординировано: когда мы гуляем, разговариваем, поем, танцуем, играем в теннис или на музыкальном инструменте, части наших тел проявляют свои свойства удивительно упорядоченным образом. Гилеморфист идет дальше: с его точки зрения, мышление, ощущение и восприятие также требуют скоординированной работы разных частей нашего тела. А поскольку подобные действия заложены в нашей природе, постольку и структуры, отвечающие за их реализацию, также должны существовать. Структура, таким образом, объединяет сущности более низкого порядка в некие комплексы, позволяющие проявляться свойствам, принадлежащим сущностям более высокого порядка. Понимаемые так структуры позволяют гилеморфистам сформулировать некоторые выводы и для философии науки: именно структуры очерчивают предметные области конкретных естественных наук. Таким образом, гилеморфизм может предложить антиредукционистское, антифизикалистское, но натуралистическое решение проблемы сознания.

Троица

Как хорошо известно, за два тысячелетия было предложено множество различных подходов к объяснению тайны Троицы. Майкл Рей и Джеффри Брауэр разработали новую «трех-самостийную» модель Троицы (*three-self Trinity theory*), основанную на версии гилеморфизма, отстаиваемой М. Рейем²². Указанные авторы проводят аналогию между Богом и материальными объектами. Между куском бронзы и статуей, отлитой из него, имеется, как они утверждают, определенное подобие. Оно заключается в том, что с точки зрения материи перед нами представлены идентичные объекты, хотя мы и можем отличить прекрасную статую от просто куска бронзы. Идентичны же они только материально, так как, во-первых, перед нами все же два различных объекта, а во-вторых, кусок бронзы может быть преобразован в иной кусок (скажем, расплюсчен), а вот при трансформации статуи она перестанет существовать. Они говорят, что кусок бронзы и отлитая из него статуя находятся в отношении *акцидентального подобия*: не будучи по существу идентичными, нумерически они представляют собой один и тот же объект. Таким образом, имеются одна материя и две различные фигуры (кусок и статуя). В терминах гилеморфизма это означает, что имеются две последовательно существующие гилеморфические конституции, в каждой из которых участвует одна и та же материя. Это представление Брауэр и Рей переносят на отношения внутри Троицы.

Все лица Троицы, как кусок бронзы и статуя, нумерически едины (Бог един), не будучи идентичны друг другу (имеются три лица), поэтому между ними име-

²² В основе нашего изложения и последующей критики модели Брауэра и Рея лежат их следующие работы: *Рей М.* Троица // Оксфордское руководство по философской теологии / Т. Флинт, М. Рей, сост. М., 2013. С. 594–631; *Brower J., Rea M.* Material Constitution and the Trinity // *Faith and Philosophy*. 2005. Vol. 22, No. 1. P. 57–76. В статье «Материальная конституция и Троица» Брауэр и Рей близки к той версии, которую я здесь привожу, в статье же «Троица» Рей, ссылаясь на их совместный анализ с Брауэром, все же более сосредоточен уже на решении проблем единственности и тождества лиц Троицы.

ются отношения акцидентального подобия. Каждое лицо можно понимать как квазигилеморфную конституцию. В роли материи будет выступать божественная сущность, или божественная природа²³, а в качестве трех форм — свойства быть Отцом, Сыном и Святым Духом или свойства быть Нерожденным, Рожденным и Исходящим²⁴. Рей понимает божественную природу как нумерически единую субстанцию, которой обладают все три лица. Рей уточняет, что божественная природа является силой, которой обладают три лица и которая способна проявляться в разных местах²⁵. То есть Отец, Сын и Святой Дух обладают одной и той же природой, проявляют три разных свойства, которые имеют одну и ту же «материю» — божественную природу. При этом все семь элементов (божественная природа, три лица и три свойства) следует считать одним Богом, так как все это — квазигилеморфические композиты, имеющие одну и ту же материю. Брауэр и Рей настаивают, что их вариант взаимоотношений внутри Троицы имеет ряд преимуществ, будучи согласным с представлениями Августина, Ансельма и Фомы Аквинского, которые, по их мнению, тоже подразумевали отношение нумерического единства без идентичности²⁶.

В отношении конкретно этого теологического применения гилеморфизма нам хотелось бы высказать несколько критических замечаний²⁷. Прежде всего вызывает некоторое изумление сама методология, использованная в этом решении проблемы, так как в ней явно недостает, скажем так, и «благочестия», и «онтологической чуткости». Очевидно, что Троица (объект трансцендентный) и материальные объекты находятся на разных онтологических уровнях, а поэтому проводить аналогии между ними всегда следует не только с особой осторожностью, но и с особой тщательностью. Поэтому переход от «метафизики посюстороннего мира» к «метафизике потустороннего» с перенесением всех онтологических конститутивных элементов с одной страты на другую выглядит неоправданным и в том числе поэтому отталкивающим.

Разберем теперь проводимую Брауэром и Реем аналогию подробнее. Они утверждают, что статуя Сократа, отлитая из куска бронзы, выступает по отношению к этому куску бронзы акцидентальной формой: кусок бронзы — это материя, а форма статуи Сократа акцидентальна потому, что из этого куска могли отлить, например, статую Аристотеля. В силу последнего факта единство материи (кусок бронзы) и акцидентальной формы (статуя Сократа) они называют

²³ *Brower, Rea*. Op. cit. P. 68; *Рей*. Указ. соч. С. 617–618.

²⁴ *Рей*. Указ. соч. С. 617. Предлагаемая для божественных лиц квазигилеморфную конституцию, указанные авторы становятся сторонниками так называемого всеобщего гилеморфизма — течения, распространенного среди францисканских философов XIII в.

²⁵ *Рей*. Указ. соч. С. 618–619.

²⁶ *Brower J. Trinity // The Cambridge Companion to Abelard / J. Brower, K. Guilfooy, eds. N. Y., 2005. P. 223–257; Marenbon J. Abelard's Changing Thoughts on Sameness and Difference in Logic and Theology // American Catholic Philosophical Quarterly. 2011. Vol. 81, No. 2. P. 229–250.*

²⁷ Выбор в качестве объекта критики именно тринитарной гилеморфической схемы Брауэра–Рея объясняется двумя причинами: во-первых, это единственная область исследований по гилеморфизму и его практическому приложению, доступная пока отечественному читателю, а во-вторых, анализ этой схемы отсылает нас к проблеме материальной конституции, решение которой Реем и Брауэром было изложено выше.

акцидентальным. Поскольку же материальные части у двух предметов одни и те же, постольку Рей и Брауэр говорят, что эти два объекта вступают в отношение *акцидентального подобия* (сходства), то есть акцидентальное подобие имеет место быть тогда и только тогда, когда имеет место быть акцидентальное единство. Насколько справедливо понятие *акцидентального единства* для анализа материальной конституции?²⁸ Для появления отношения акцидентального единства необходимо, чтобы имелась акцидентальная форма. А для того чтобы можно было говорить об акцидентальной форме, должна существовать неопределенная материя, по отношению к которой данная форма будет акцидентальной. В нашем примере такой неопределенной материей Брауэр и Рей считают кусок бронзы. Но кусок бронзы сам является акцидентальной формой по отношению к неоформленной бронзе, которая выступает метафизической первоматерией. Таким образом, Брауэр и Рей говорят в своем примере как бы о акцидентальной форме второго порядка. Но тогда что нас останавливает от введения акцидентальных форм более высоких порядков? Этот вопрос сигнализирует о том, что их анализ упирается в какую-то иную проблему. Она состоит в том, что гилеморфизм относится к анализу тех случаев, когда имеет место быть уничтожение и возникновение материальных вещей, а не к анализу случаев перемены состояния материального объекта²⁹. Далее, вызывает сомнение вообще введение понятия *акцидентального единства*, ведь все-таки кусок бронзы и статуя Сократа или Сократ как личность и сидящий Сократ не относятся друг к другу как субстанция и акциденция. Но самое главное: даже если допустить существование акцидентальных единств, ясно, что они должны существовать во времени последовательно, так как каждое акцидентальное единство выражает определенный гилеморфический композит. И здесь, очевидно, происходит подмена понятий: термин *акцидентальный* означает несущественное, изменчивое, случайное свойство, а получается, что акцидентальная форма случайна только в том смысле, что с недифференцированной материей могла быть соединена другая форма, но для данного гилеморфического композита эта «акцидентальная форма» субстанциальна³⁰. В этом смысле ясно, что композит не может состоять из нескольких акцидентальных форм, поэтому каждый композит (или состояние каждого композита) противоположен друг другу — кусок бронзы не может быть одновременно оформлен и в виде статуи Сократа, и в виде статуи Аристотеля, Сократ не может одновременно сидеть и ходить. А следовательно, отношение акцидентального подобия между разными формами одной и той же материи тоже существует последовательно, ведь оно является производным от отношения акцидентального единства. Действительно, акцидентальные подобия между Сократом как лично-

²⁸ Вопрос, насколько понятия *акцидентального единства* и *акцидентального подобия* справедливы с точки зрения метафизики Аристотеля, я оставляю открытым, так как современные гилеморфисты «вдохновляются» философией Стагирита, что подразумевает ее творческое развитие и переработку.

²⁹ Напомню, что Брауэр и Рей сидящего Сократа также считают акцидентальным единством, а отношение между Сократом как личностью и сидящим Сократом — акцидентальным подобием.

³⁰ По этой причине я буду иногда говорить об акцидентально приобретенной субстанциальной форме.

стью, сидящим Сократом и ходящим Сократом должны быть последовательными в зависимости от того, сидит Сократ или ходит.

Посмотрим теперь, как эти проблематичные понятия переносятся Брауэром и Реем на отношения внутри Троицы. Они утверждают, что каждое лицо Троицы представляет собой квазигилеморфический композит и что все лица Троицы вступают в отношение акцидентального подобия. Было установлено, что отношение акцидентального подобия следует за отношением акцидентального единства, которое есть, в свою очередь, производное от принятия некоей материей акцидентальной формы. Но как можно говорить об акцидентально приобретенной субстанциальной форме по отношению к простому и неизменному Богу?³¹ И какая материя принимает акцидентальную форму? Брауэр и Рей говорят, что это сама божественная природа. Но данный ответ бессодержателен: как божественная природа может выступать материей, если фактически о ней и говорится, что она есть квазигилеморфический композит? Далее, как было показано, различные акцидентальные единства идут друг за другом последовательно. Тогда выходит, что акцидентальное единство, выраженное свойством «быть Отцом», предшествует другому единству, выраженному свойством «быть Сыном», а за этим следует третье единство, выраженное свойством «исхождение». Таким образом, Брауэр и Рей привносят в божественную природу темпоральное измерение. Если же предположить, что все эти три единства проявляются одновременно, то и это не спасает ситуацию: конечная цель у Брауэра и Рея состоит в утверждении отношения акцидентального подобия, ведь именно отношение подобия позволяет связывать между собой одну материю и разные формы, а одна материя не может принять сразу три разные акцидентально приобретенные субстанциальные формы. В конечном счете у них выводятся три отношения подобия: Бог-Отец—Бог-Сын, Бог-Отец—Бог-Святой Дух, Бог-Сын—Бог-Святой Дух. Все эти отношения двоичные, тогда как в их случае целью анализа Троицы должно было бы стать скорее утверждение возможности одного троичного отношения Бог-Отец—Бог-Сын—Бог-Святой Дух³². Наконец, Брауэр и Рей вводят три отношения и три квазигилеморфических композита. Это вычленение сложной структуры Троицы противоречит краеугольному постулату западного христианства — о простоте божественной сущности. Если и переносить гилеморфические отношения на божественную природу, то следовало бы постулировать только один композит, одну форму.

³¹ Прежде всего, следует кратко отметить странность самого перенесения термина *акцидентальный* с онтологического уровня вещей, где он вполне законен, на уровень божественной реальности, где он незаконен с точки зрения традиционной метафизики, так как это область необходимого. Допустим, именно по этой причине Брауэр и Рей употребляют термин «квазигилеморфический композит», намекая как бы на условность такого переноса.

³² В принципе, нет никаких препятствий, для того чтобы можно было вывести любое число отношений, так как в «материальной» аналогии можно постулировать бесконечное число статуй, отлитых из одного и того же куска бронзы, которые будут вступать в отношение акцидентального подобия. Это упущение было подмечено самим Майклом Реем в статье «Философия и христианская теология» из Стэнфордской философской интернет-энциклопедии: Murray M., Rea M. Philosophy and Christian Theology // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Дата обращения: 27.10.2016. Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/christiantheology-philosophy/#ConMod>.

Вся приведенная критика говорит, разумеется, о бесконечном эпистемологическом оптимизме, исповедуемом зачастую аналитическими философами. Создается впечатление, что для них нет никакой разницы, что познавать: материальные вещи, добродетели или Бога — все равно поддается анализу, ко всему применимы одни и те же аналогии. Наряду с «онтологической нечуткостью», о которой было сказано выше, эпистемологический оптимизм — главный недостаток метода аналитической теологии, хотя еще семнадцать столетий назад об этих недостатках предупреждал великий Плотин (рациональные категории плохо приспособлены для анализа того, что выходит за сферу эмпирического (*Plotinus. Enneades VI. 1. 1*)), а несколько позже свт. Григорий Богослов: «В сравнении с тварями гораздо неуместнее и непостижимее для ума то естество, которое выше их и от которого они произошли»³³. Однако об этом уже было сказано не раз³⁴.

Итак, в настоящей статье было представлено одно из популярных направлений метафизики в аналитической философии, возникшее из антиредукционистского поворота в осмыслении целей, предмета и методологии этой философской дисциплины — неоаристотелевский гилеморфизм. Гилеморфизма как общего течения не существует, скорее нужно говорить о разных гилеморфистских течениях. Этот факт можно объяснить удивительной «пластичностью» этой теории, которая из изначального набора утверждений позволяет генерировать разные версии, которые помогают выработать подходы к решению актуальных философских и теологических проблем. В этом заключается несомненная ценность данной теории. Подробнее были рассмотрены проблемы материальной конституции (законной области гилеморфизма) и Троицы (являющейся своего рода теологическим продолжением проблемы материальной конституции).

Ключевые слова: аналитическая метафизика, гилеморфизм, материя, форма, структуры, субстанция, композит, единство субстанции, материальная конституция, психофизический дуализм, Троица.

HYLOMORPHISM IN MODERN ANALYTICAL PHILOSOPHY

K. KARPOV

Analytical metaphysics in the 20th century was marked by the predominance of scientific reductionism. As a result metaphysics was considered dependent on the natural sciences in its topics and methodology. Conversely, the last two decades introduced new trends, defending the autonomy of metaphysical knowledge, while keeping such an

³³ Свт. Григорий Богослов. Слово 28. О богословии второе // Святитель Григорий Богослов. Избранные творения / В. Бурега. сост. М., 2008. С. 34.

³⁴ См., например: Шохин В. К. Философия религии и разновидности рациональной философии // Философия религии: Альманах. 2010–2011. М., 2011. С. 29.

important distinguishing feature of analytical philosophy as orientation on achievements of natural sciences. Hylomorphism is one of these new trends, which might be characterized as 'neo-Aristotelian'. Contemporary Hylomorphism is heterogeneous, has a number of branches, which are united by the idea that all material objects are composed of two basic elements — matter and form. The latter is often understood as a form in the strict sense, as a structure, a constitution or a power. The author considers the main issue faced by all hylomorphic ontologies: if matter and form are independent principles, what then unites them into a single composite? The article pays particular attention to the application of hylomorphic ontologies in solving such important philosophical and theological problems as the problem of the material constitution, mind-body problem, the Trinity. The last aspect deserves special attention. The author analyzes advantages and disadvantages of the proposed hylomorphic solutions. The main advantage is the amazing flexibility of hylomorphic ontologies — they allow philosophers to introduce easily new principles, thus adopting to various problems solving. The disadvantages come directly from the main advantage and consist in weak reconciliation of those new principles with each other.

Keywords: analytical metaphysics, hylomorphism, matter, form, structures, substance, composition, unity of substance, material constitution, mind-body problem, Trinity.

Список литературы

1. *Рей М.* Троица // Оксфордское руководство по философской теологии / Т. П. Флинт, М. К. Рей, сост. М., 2013. С. 594–631.
2. *Свт. Григорий Богослов.* Избранные творения / В. Бурега, сост. М., 2008.
3. *Шохин В. К.* Философия религии и разновидности рациональной философии // Философия религии: Альманах. 2010–2011. М., 2011. С. 15–30.
4. *Brower J.* Aquinas's Ontology of the material World: Change, Hylomorphism, and Material Objects. Oxford; N. Y., 2014. P. 66–69.
5. *Brower J.* Trinity // The Cambridge Companion to Abelard / J. Brower, K. Guilfooy, eds. N. Y., 2005. P. 223–257;
6. *Brower J., Rea M.* Material Constitution and the Trinity // Faith and Philosophy. 2005. Vol. 22, No. 1. P. 57–76.
7. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized / J. Ladyman, D. Ross, eds. N. Y., 2007.
8. *Gasser G.* Is Hylomorphism a Neglected Option in Philosophy of Mind? // Soul. A comparative Approach / Ch. Kanzian, M. Legenhausen, eds. Frankfurt, 2010. P. 43–61.
9. *Jaworski W.* Hylomorphism and Resurrection // European Journal for Philosophy of Religion. 2012. Vol. 5, No. 1. P. 197–198.
10. *Jaworski W.* Structure and the Metaphysics of Mind: How Hylomorphism Solves the Mind-Body Problem. N. Y., 2016.
11. *Koslicki K.* The Structure of Objects. Oxford, 2008. P. 159.
12. *Lowe E. J.* A neo-Aristotelian substance ontology: neither relational nor constituent // Contemporary Aristotelian Metaphysics / T. Tahko, ed. Cambridge, 2011. P. 231.
13. *Manning G.* The History of «Hylomorphism» // Journal of the History of Ideas. 2013. Vol. 74, No. 2. P. 173–187.
14. *Marenbon J.* Abelard's Changing Thoughts on Sameness and Difference in Logic and Theology // American Catholic Philosophical Quarterly. 2011. Vol. 81, No. 2. P. 229–250.

15. *Marmodoro A.* Aristotle's hylomorphism without reconditioning // *Philosophical Inquiry*. 2013. Vol. 36, No. 1–2. P. 5–6.
16. *Murray M., Rea M.* Philosophy and Christian Theology // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/christiantheology-philosophy/#ConMod> (дата обращения: 27.10.2016).
17. *Quine W.O.* *Theories and Things*. Cambridge (Mass.), 1981.
18. *Quine W.O.* *World and Object*. Cambridge (Mass.), 1960.
19. *Rae M.* Sameness without identity: an Aristotelian Solution to the problem of material constitution // *Ratio*. 1998. Vol. 11. No. 3. P. 318–323.
20. *Rea M.* Hylomorphism reconditioned // *Philosophical Perspectives*. 2011. Vol. 25. No. 1. P. 345.
21. *Toner P.* Emergent Substance // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 2008. Vol. 141, No. 3. P. 281–297.
22. *Toner P.* St. Thomas Aquinas on Gappy Existence // *Analytic Philosophy*. 2015. Vol. 56, No. 1. P. 94–110.